

В. А. Томсинов

**Победа СССР
в Великой Отечественной войне
и ее воздействие
на международный правопорядок.
*Статья первая.***

Опубликована:

Вестник Московского университета.

Серия 11. Право. 2015. № 3. С. 3–21.

В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

ПОБЕДА СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК (статья первая)

В статье рассматривается формирование общих принципов будущего международного правопорядка после начала Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется Атлантической хартии — декларации, составленной руководителями США и Великобритании в августе 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, международный правопорядок, Атлантическая хартия 1941 г.

The article discusses the formation of general principles of the future of international legal order after the beginning of the Great Patriotic war. Special attention is paid to the Atlantic Charter — the declaration, composed of the head of the USA and the UK in August 1941.

Keywords: the Great Patriotic war, international legal order, Atlantic Charter of 1941.

Международный правопорядок, возникший в результате Второй мировой войны, сохранялся до 1991 г., т.е. до тех пор пока существовал СССР. Уже один этот факт показывает, что именно Советское государство являлось главной его опорой.

Вторая мировая война привела к резкому изменению соотношения сил на мировой арене. Фашистские державы Германия и Япония, доминировавшие в конце 30-х гг. XX в. в Европе и Азии, были полностью разгромлены. Франция потерпела военное поражение от Германии и сдалась на милость победителя еще в июне 1940 г. Вместе с французской армией разгрому со стороны германских вооруженных сил подверглись и британские сухопутные войска, но Великобритания продолжала сопротивление, стремясь предотвратить вторжение Германии на британские острова. Людские потери этой страны в годы Второй мировой войны были незначительными по сравнению с потерями других основных участников боевых действий, но ее материальные утраты оказались весомыми: британцы лишились до четверти национального богатства. Истощенная многолетней войной Великобритания попала почти в полную зависимость от США. Она

* tomsinov@yandex.ru

не смогла удержать в своей орбите такие колонии, как Индия, Цейлон, Бирма: обширная Британская империя начала рушиться в первые же послевоенные годы.

С другой стороны, в результате Второй мировой войны усилилось экономическое, финансовое и политическое могущество США. Государство, сформировавшееся в конце XVIII в. из североамериканских колоний Великобритании, превратилось к середине XX в. в настоящую сверхдержаву — ведущую силу всего западного мира, подчинившую своим интересам всю Западную Европу и прежде всего саму Великобританию.

Победа СССР в Великой Отечественной войне с фашистской Германией, имевшей в своем распоряжении экономические и людские ресурсы почти всей Европы, придала Советскому государству статус еще одной сверхдержавы. Указанные перемены имели решающее значение для международных отношений послевоенной эпохи. Если до Второй мировой войны международный правопорядок поддерживался хрупким балансом сил внутри целой совокупности приблизительно равных по своему экономическому, военному, политическому потенциалу государств, таких, как Великобритания, Германия, Франция, Япония, США и СССР, то в послевоенную эпоху международный правопорядок стал определяться балансом сил между США и СССР.

* * *

В работах, посвященных международным отношениям и международной политике эпохи, наступившей по окончании Второй мировой войны, доминирует мнение о том, что первые попытки обозначить контуры послевоенного международного правопорядка выразила так называемая «Атлантическая хартия» — документ, составленный во время встречи премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и президента США Франклина Рузвельта, проходившей с 9 по 12 августа 1941 г. в бухте Пласеншия острова Ньюфаундленд на борту американского крейсера «Огаста (Augusta)» и британского линкора «Принц Уэльский (Prince of Wales)». В Атлантической хартии действительно был сформулирован ряд принципов, предполагавших поддержание стабильности и мира в международных отношениях. Однако можно ли с уверенностью говорить о том, что главной целью этого документа было установление контуров послевоенного международного правопорядка, закрепление основополагающих принципов международного права для будущей эпохи? Думается, сущность так называемой Атлантической хартии намного сложнее, чем это представляется в исторической литературе. Во вся-

ком случае, она не может считаться документом, имеющим международно-правовое значение, несмотря на то, что ее текст уже в первые годы послевоенной эпохи стал включаться в сборники документов международно-правового характера¹.

Встреча руководителей США и Великобритании в августе 1941 г. была весьма важным событием Второй мировой войны: с нее началось формирование союза государств, выступивших против фашистской Германии и ее союзников, и прежде всего союза США и Великобритании. Уинстон Черчилль уделил поэтому данному событию довольно большое внимание в своих мемуарах.

О том, как возникла идея составления документа, названного впоследствии Атлантической хартией, и как он был разработан, премьер-министр Великобритании вспоминал: «Во время одной из наших первых бесед президент Рузвельт сказал мне, что, по его мнению, было бы хорошо, если бы мы составили совместную декларацию, излагающую некоторые общие принципы, которые должны направлять нашу политику по одному и тому же пути. Ухватившись за это чрезвычайно полезное предложение, я представил ему на следующий день, 10 августа, предварительный набросок такой декларации»².

Начертанный премьер-министром Великобритании документ был озаглавлен «Совместная англо-американская декларация о принципах (Joint Anglo-American Declaration of Principles)». Он состоял из преамбулы и пяти параграфов.

Утром 11 августа президент США возвратил текст декларации У. Черчиллю, сделав поправку к четвертому параграфу и добавив два дополнительных параграфа. В тот же день в 1 час 50 мин. пополудни Черчилль послал в Лондон шифрованную телеграмму с изложением декларации. Из-за разницы во времени в Лондоне она была получена после полуночи, но кабинет министров был на месте и сразу же приступил к обсуждению документа. В 4 часа 10 мин. утра 12 августа по лондонскому времени британское правительство телеграфировало Черчиллю об одобрении декларации и о предложении добавить восьмой пункт, в котором говорилось о сотрудничестве между нациями в экономической области с целью обеспечения для всех улучшенных условий труда, экономического развития и общественной безопасности. Американский президент согласился с этим предложением и данный пункт был включен в декларацию в качестве пятого параграфа.

Окончательный вариант совместной декларации президента США и премьер-министра Великобритании, получившей впослед-

¹ United Nations Documents. 1941—1945. L., 1947. P. 9—10.

² Churchill W.S. The Second World War. Vol. 3: The Grand Alliance. Boston, 1985. P. 385.

ствии наименование Атлантической хартии³, был согласован 12 августа. Через день переданный по телеграфу в Лондон и Вашингтон он был оглашен по американскому и британскому радио.

В исторической литературе, посвященной Атлантической хартии, часто утверждается, что она была подписана президентом США и премьер-министром Великобритании. В действительности этот документ никем не подписывался⁴, поскольку его авторы не придавали ему юридической силы договора (хартии), но мыслили его лишь в качестве *декларации о своих намерениях в области внешней политики*. На это указывает и само содержание документа, названного самими его составителями Атлантической хартией.

Его текст открывала следующая преамбула: «Президент Соединенных Штатов и премьер-министр господин Черчилль, представляющий Правительство Его Величества в Соединенном королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать определенные общие принципы национальной политики их стран, на основе которых они базируют свои надежды на лучшее будущее для мира»⁵.

Далее шло изложение указанных принципов:

«Во-первых, их страны не стремятся к расширениям, территориальным или другим.

Во-вторых, они не желают видеть никаких территориальных изменений, которые не согласуются со свободно выраженными желаниями заинтересованных народов.

В-третьих, они уважают право всех народов выбирать форму правления, при которой они хотят жить; и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для всех, кто был насильственно лишен их.

³ Название «Атлантическая хартия» было впервые применено к рассматриваемому документу в газете «*Daily Herald*» и в парламентской речи У. Черчилля 24 августа 1941 г.

⁴ Этот факт признавали и Франклин Рузвельт, и Уинстон Черчилль. Выступая на пресс-конференции в декабре 1944 г., президент США сообщил, что «Атлантическую хартию никто не подписал». Позднее У. Черчилль, рассказывая о Крымской конференции руководителей СССР, США и Великобритании, состоявшейся в феврале 1945 г., процитировал Ф. Рузвельта, сказавшего, что неписаная британская конституция «подобна Атлантической хартии — такого документа не существует, но весь мир о нем знает (it was like the Atlantic Charter — the document did not exist, yet all the world knew about it)».

⁵ «The President of the United States and the Prime Minister, Mr Churchill, representing His Majesty's Government in the United Kingdom, being met together, deem it right to make known certain common principles in the national policies of their respective countries on which they base their hopes for a better future for the world» (Joint Declaration by The President of The United States of America and mr Winston Churchill, representing His Majesty's Government in The United Kingdom, known as The Atlantic Charter. August 14, 1941 // United Nations Documents. 1941—1945. P. 9).

В-четвертых, они будут стремиться с должным уважением к своим существующим обязательствам содействовать обеспечению всем государствам, большим или малым, победителям или побежденным, доступа на равных условиях к торговле и сырьевым материалам мира, необходимых для их экономического процветания.

В-пятых, они выражают желание к установлению полного сотрудничества между всеми нациями в экономической области с целью обеспечить для всех улучшенные условия труда, экономическое развитие и общественную безопасность.

В-шестых, после окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются увидеть установление мира, который даст всем нациям возможность жить в безопасности в пределах собственных границ и который позволит гарантировать, чтобы все люди во всех странах могли жить всю свою жизнь в свободе от страха и нужды.

В-седьмых, такой мир должен позволить всем людям беспрепятственно пересекать открытые моря и океаны.

В-восьмых, они считают, что все нации мира должны как по соображениям реалистического и возвышенного характера прийти к отказу от применения силы. Поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если сухопутные, морские или воздушные вооружения будут продолжать применяться нациями, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, они считают, что впредь до установления более широкой и постоянной системы общей безопасности разоружение таких наций является необходимым. Они будут также оказывать помощь и содействие всем другим практическим мерам, которые облегчат для всех миролюбивых народов тяжелое бремя вооружений»⁶.

По завершении своих переговоров Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль направили совместную телеграмму И.В. Сталину, в которой сообщили, что воспользовались случаем, дабы вместе обсудить вопрос о том, как США и Великобритания «могут наилучшим образом помочь» СССР «в том великолепном отпоре», который он оказывает нацистскому нападению. Уверив Сталина, что в настоящее время они работают над тем, чтобы снабдить СССР максимальным количеством тех материалов, в которых он больше всего нуждается, руководители США и Великобритании, заявили далее: «Мы должны теперь обратить наше внимание на рассмотрение политики, рассчитанной на более длительное время, ибо предстоит пройти большой и трудный путь до того, как будет достигнута та полная победа, без которой наши усилия и жертвы были бы напрасными»⁷.

⁶ Ibid. P. 10.

⁷ Ф. Рузвельт и У. Черчилль И.В. Сталину. Получено 15 августа 1941 года // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-мини-

Но в тексте Атлантической хартии не было даже намека на существование СССР, армия которого в то время, когда этот документ составлялся, вела тяжелые бои с вторгнувшимися на советскую территорию дивизиями Германии и ее союзников. Между тем и Франклин Рузвельту, и Уинстону Черчиллю было очевидно, что судьба будущего международного правопорядка в целом и возможность реализации на практике провозглашенных в Атлантической хартии принципов решалась на восточном фронте и зависела от исхода войны между СССР и фашистской Германией. При этом оба руководителя ведущих западных держав не сомневались в поражении германского фашизма. Неслучайно, что об устройстве послевоенного мира они заговорили только после того, как во Вторую мировую войну вступил подвергшийся нападению со стороны Германии Советский Союз.

Во время встречи с президентом США премьер-министр Великобритании всячески демонстрировал свое неверие в то, что СССР сможет сколько-нибудь долго противостоять германской военной агрессии, но делал он лишь для того, чтобы убедить Франклина Рузвельта в необходимости направить поставки материалов, необходимых для ведения войны преимущественно не в Советский Союз, а в Великобританию. Сын американского президента Эллиот Рузвельт, присутствовавший на переговорах отца с Уинстоном Черчиллем в августе 1941 г., вспоминал впоследствии, что накануне первой встречи с англичанами у него состоялся следующий разговор с отцом:

«Я подал отцу огонь, и он закурил.

— Их беспокоит вопрос, какую часть производимых нами материалов мы намерены отдавать русским.

— И что же?

— Мне уже известно, насколько премьер-министр верит в способность России продолжать войну. — Отец жестом показал, что эта вера равна нулю.

— Очевидно, ты веришь в них больше, чем он?

— Гарри Гопкинс⁸ верит больше. А он способен убедить и меня»⁹.

После этих слов Эллиот Рузвельт заметил в своих мемуарах: «Конечно, в то время, когда происходил этот разговор, продукция американской военной промышленности представляла еще ничтожную величину. Англичане боялись, как бы на их долю не досталась всего лишь половина этой ничтожной величины»¹⁰.

страми Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2: Пеписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). М., 1958. С. 10.

⁸ Имеется в виду представитель американского президента по переговорам со Сталиным Гарри Ллойд Гопкинс (1890–1946).

⁹ *Рузвельт Э. Его глазами* / Пер. с англ. Л.Д. Гуревича, Д.Э. Куниной. М., 1947. С. 39.

¹⁰ Там же.

Как показали дальнейшие события, опасение Уинстона Черчилля, что после открытия восточного фронта США начнут масштабные поставки Советскому Союзу материалов, необходимых для ведения войны, оказались напрасными. Американские официальные лица всячески затрудняли такие поставки, а часто и вообще их срывали. В представленной председателю Государственного комитета обороны И.В. Сталину 9 января 1942 г. народным комиссаром внешней торговли СССР А.И. Микояном справке о выполнении Англией и США обязательств, принятых на Московской конференции трех держав, по поставкам в СССР вооружения, оборудования и сырья за октябрь—декабрь 1941 г., констатировалось: «В целом поставки США проходят явно неудовлетворительно. Представители Американского Правительства щедро дают обещания и бесцеремонно нарушают свои обязательства. Причем срыв поставок американцами не объясняется только саботажем отдельных враждебных нам элементов. Не объясняется также объективными трудностями. Срывают наши поставки Военное и Морское министерства, конечно, не без ведома правительства. Наши неоднократные сообщения о всех фактах срыва представителям американского правительства не привели до сих пор к улучшению положения»¹¹. В обоснование этого вывода нарком внешней торговли СССР привел целый ряд конкретных цифр¹². При этом Советский Союз в свою очередь собственные обязательства выполнял, в том числе и по масштабной поставке в США и Великобританию сырьевых материалов, в которых эти страны испытывали неотложную нужду.

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 06. Оп. 4. П. 11. Д. 102. Л. 16.

¹² В справке А.И. Микояна было сказано, в частности: «Обязательства США на Московской конференции по ежемесячной поставке самолетов за 3 месяца составляют — 600... Фактически поставлено только — 204 шт... Завезено в Союз — 95 шт., находится в пути — 106 шт... Также резко невыполнена поставка танков. США, согласно решениям Московской конференции, обязались поставить за три месяца — 750 шт. 31 октября Американское правительство сообщило новую цифру поставок танков по месяцам, а именно: в октябре 166 танков, в ноябре 207 и в декабре 300 штук, а всего 673 танка. Фактически поставлено только лишь — 182 шт... По плану на октябрь — декабрь США должны были поставить грузовых автомашин — 25 600 шт. Фактически поставлено на 1 января 1942 года — 9238 шт. Из них: завезено в Союз — 1565 шт. находятся в пути — 4974 шт... За время октябрь—ноябрь Наркомвнешторгом размещено в США заказов на различные виды станков в количестве — 3404 шт. Размещение заказов в США на станки проходит крайне медленно, так как их оформление связано с прохождением ряда правительственных органов, где происходят всяческие задержки (медленный просмотр наших заявок в Управлении ленд-лиза и в других департаментах, прямой саботаж со стороны некоторых чиновников министерств и т.п.). Поставлено фирмами в октябре—декабре по заказам, выданным как до, так и после 1 октября 1941 г., — 731 шт. Из них: завезено в Союз — 35 шт., отгружено и находится в пути в СССР — 285 шт... Несмотря на твердое обещание, записанное в решениях Конференции о поставке 10000 тонн готового тринитротолуола, до сего времени не поставлено ни одной тонны этого продукта» (там же. Л. 7—12).

Сын американского президента присутствовал и на официальном обеде, который Франклин Рузвельт дал в честь премьер-министра Великобритании. Уинстон Черчилль воспользовался этим торжественным мероприятием, чтобы внушить американцам мысль о необходимости не только оказать Великобритании широкомасштабную экономическую помощь, но и вступить наконец в войну против Германии.

«Это для вас единственный выход! — говорил он. — Вы должны выступить на нашей стороне! Если вы не объявите войны, я повторяю, если вы не объявите войны, не ожидая первого удара с их стороны, они нанесут его, когда мы уже погибнем, и этот первый удар может оказаться для вас и последним»¹³.

Франклин Рузвельт, который привык играть первую роль во всех собраниях, в которых участвовал, на этот раз больше слушал, но время от времени вставлял вопрос: «А русские?» По свидетельству Эллиота Рузвельта, Черчилль начал отвечать на этот вопрос, произнеся слово «русские» пренебрежительным тоном, но затем как бы спохватился и заговорил более уважительно:

«Конечно, они оказались гораздо сильнее, чем мы когда-либо смели надеяться. Но кто знает, сколько еще...».

«Значит, Вы считаете, что они не смогут устоять? — прервал Черчилля американский президент. — Когда Москва падет?.. Когда сопротивление русских в конце концов прекратится?»

По словам Эллиота Рузвельта, «на все вопросы Черчилль отвечал четко, без оговорок, без всяких “если”; в сопротивление русских он не верил или верил очень мало. Он вел крупную игру в этот вечер. Он старался внушить нам, что львиная доля ленд-лиза должна принадлежать британскому льву; что всякая помощь Советам приведет лишь к затяжке войны, а в конечном счете и притом несомненно — к поражению; и с тем большей убежденностью он приходил к своему единственному выводу:

— Американцы *должны* вступить в войну на нашей стороне! Вы должны вступить в войну, чтобы не погибнуть!

Отец слушал его внимательно, серьезно, время от времени потирая глаза, играя своим пенсне, рисуя узоры на скатерти обгорелой спичкой. Но ни один из американцев, сидевших в облаках табачного дыма в этой кают-компании, ни разу не произнес ни “да”, ни “нет”, ни “может быть”»¹⁴.

Подлинное значение принятой У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в августе 1941 г. Атлантической хартии раскрывается, если на ее со-

¹³ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 45–46.

¹⁴ Там же. С. 46.

держание смотреть с позиции жизненно важных интересов Великобритании и США того времени. Эти интересы заключались совсем не в создании после Второй мировой войны нового международного правопорядка. Проблема послевоенного устройства мира не могла в августе 1941 г. занимать американского президента и британского премьер-министра в сколько-нибудь сильной степени хотя бы уже потому, что мировая война была еще в начальной стадии, ее исход был неясен, а значит, неизвестным являлось, какие державы останутся на мировой арене в послевоенный период в статусе самостоятельных и сильных игроков и какие утратят этот статус.

Устройство послевоенного международного правопорядка могло стать для Уинстона Черчилля актуальной проблемой только после разгрома фашистской Германии. До тех пор же, пока этого не произошло, единственное, что заботило его как британского премьер-министра, было успешное ведение войны с Германией. Об этом он сам предельно ясно сказал в речи перед Палатой общин 13 мая 1940 г., на третий день после своего назначения на пост главы правительства Великобритании. «Вы спрашиваете, — заявил он, — каков наш политический курс? Я могу сказать: это вести войну на море, на суше и в воздухе всей нашей мощью и всеми силами, которые Бог дает нам; вести войну против чудовищной тирании, деяния которой превосходят любой темный, плачевный каталог человеческих преступлений. Вот наш политический курс. Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: это победа, победа любой ценой, победа несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь к ней; потому что без победы не будет выживания. Пусть это будет осознано: не выживет Британская империя, не выживет все то, для чего Британская империя была создана, не выживет то, что веками побуждало и влекло человечество двигаться вперед к цели. Но я берусь за эту задачу с энергией и надеждой. Я уверен, что нашему делу не суждено потерпеть неудачу среди людей. И в этот момент я чувствую себя вправе настаивать на всеобщей поддержке, и я призываю: «Идемте же, идемте вперед единой силой»¹⁵.

В разговорах с Франклином Рузвельтом при встрече с ним с 9 по 12 августа 1941 г. Уинстон Черчилль не скрывал, что больше всего его занимают вопросы не о принципах международного правопорядка послевоенной эпохи, которая еще неизвестно, когда наступит, а о том, объявят США войну Германии в ближайшее время или нет, втянутся американцы в войну с Японией или же ограничатся политической сдерживания японской экспансии. И конечно же, в предельной

¹⁵ Never Give in! The Best of Winston Churchill's Speeches. Selected and edited by his grandson. L., 2004. P. 206.

степени главу британского правительства волновал вопрос о размерах поставок из США в Великобританию вооружения и других материалов, необходимых ей для ведения войны с Германией.

Великобритания находилась в очень опасном состоянии в то время. Она не имела надежной защиты от вторжения германских войск на свою территорию. Ее сухопутная армия была малочисленна и слабо вооружена, вследствие чего не была способна противостоять германской армии¹⁶. Пролив Ла Манш являлся, конечно, серьезным препятствием для такой военной операции, но вполне преодолимым. Единственной настоящей защитой для Великобритании от германской агрессии оказывались в тех условиях советские войска, принявшие на себя удар более 200 дивизий фашистской Германии и союзных с ней стран. Неслучайно в своей речи об Атлантической хартии, произнесенной по радио 24 августа 1941 г., Уинстон Черчилль уделил большое внимание не только этому документу, но также ситуации на восточном фронте. Именно там в столкновении советской армии с отлаженной германской военной машиной решалась судьба Великобритании, а не на острове Ньюфаундленд в беседах с президентом США.

«Я подумал, — начал свое выступление У. Черчилль, — что вы захотите услышать от меня кое-что о моем заокеанском путешествии и встрече с нашим великим другом, президентом Соединенных Штатов. Точное место нашей встречи является тайной, но я не считаю, что буду неосторожным, если зайду так далеко, что скажу — она состоялась "где-то в Атлантике"»¹⁷. И премьер-министр Великобритании действительно постарался разъяснить значение его встречи с президентом США и смысл их совместной декларации, получившей название Атлантической хартии. Но это событие он связал с Великой

¹⁶ Это признавал британский министр иностранных дел Энтони Иден. В беседе со Сталиным, состоявшейся в Москве 16 декабря 1941 г., он, выполняя поручение У. Черчилля, ознакомил руководителя СССР с военным положением Великобритании. По сообщению Э. Идена, «в 1939 году, в начале войны, Англия по сравнению с Германией была сильна на море, хотя ей и не хватало судов для конвоирования торговых караванов. Первая линия британского воздушного флота состояла из 1300 самолетов. Количество сухопутных войск было невелико, причем не было ни одной механизированной дивизии. После Дюнкерка (имеется в виду эвакуация остатков британских и французских войск с северного побережья Франции на британские острова в конце мая — начале июня 1940 г. — *В. Т.*) Англия осталась в ужасном положении. Во Фландрии было потеряно все вооружение десяти дивизий и очень большое количество авиации. Германия заняла северный французский берег, с которого ей легко было бомбить крупные промышленные центры Великобритании. Встала угроза вторжения. Задачи флота были в чрезвычайной степени отягчены. Воздушных сил не хватало. Во всей Англии имелась лишь одна полностью обученная и вооруженная дивизия. Не было ни укреплений, ни плана защиты... Перед Англией во всей остроте встал вопрос о том, чтобы как-нибудь выжить» (*Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии. Документы, комментарии. 1941—1945. М., 2004. С. 44—45).

¹⁷ Never Give in! The Best of Winston Churchill's Speeches. P. 297.

Отечественной войной, в которую вступил советский народ, отстаивая свою родину от порабощения фашистскими полчищами.

«На наших глазах творятся жуткие вещи, — говорил Черчилль. — Вся Европа сокрушена и раздавлена боевой мощью и варварской яростью нацистов; самые смертоносные достижения военной науки оказались соединены с самыми изощренными формами коварства и самыми бесчеловечными проявлениями жестокости, результатом чего стала невиданная смесь агрессии, сокрушившей и растоптавшей права, традиции, обычаи и свободу многих достойных, существующих с древности государств и народов. Австрийцев, чехов, поляков, норвежцев, датчан, бельгийцев, голландцев, греков, хорватов, сербов и прежде всего великую французскую нацию принудили сдаться и заковали в кандалы. Италия, Венгрия, Румыния и Болгария на позорных условиях выторговали себе отсрочку приговора, став жалкими шакалами, покорно выполняющими волю кровожадного тигра; но их положение не многим лучше, а в скором времени совсем перестанет отличаться от положения его жертв. Швеция, Испания и Турция замерли в ужасе, гадая, по кому из них будет нанесен следующий удар»¹⁸.

Состояние Европы, втянутой в мировую войну, было ужасающим, но Черчилль рисовал эту картину не для того, чтобы вызвать у своих слушателей пессимистические настроения. Напротив, он стремился внушить оптимизм, показав, что даже в этих ужасных условиях борьба против германской агрессии продолжается и ведет ее Россия, на которую Гитлер направил миллионы солдат и тысячи единиц боевой техники, открыто заявляя, что уничтожить Россию и разорвать ее на части теперь главная его цель. На этот раз гитлеровцы не смогли добиться легкой и быстрой победы. «Российская армия и все народы российских республик поднялись на защиту своей родины. Впервые нацистская кровь полилась полноводной рекой. По меньшей мере 1,5, а то и целых 2 миллиона нацистского пушечного мяса превратилось в пыль на бескрайних просторах России. Линия фронта в этой величайшей битве простирается почти на 2000 миль. Русские сражаются с изумительным упорством; более того, наши генералы, побывавшие на передовой, выражают восхищение эффективностью их военной организации и совершенством их техники. Агрессор удивлен, поражен, озадачен. Он впервые в своей практике столкнулся с тем, что массовое убийство стало невыгодным (unprofitable)»¹⁹.

Рисуя впечатляющую картину героического сопротивления русских германской агрессии, Черчилль тем самым показывал, что созданную специально для ведения захватнических войн фашистскую

¹⁸ Ibid. P. 299.

¹⁹ Ibid. P. 299–300.

диктатуру можно победить, что в мире есть силы, которые могут успешно ей противостоять. Для этого таким силам надо лишь объединиться. Главный смысл Атлантической хартии и заключался, по мнению Черчилля, в идее объединения всех сил, способных выступить против нацизма, как германского, так и японского²⁰. Причем в объединении под эгидой Великобритании и США. Название документа «Атлантическая хартия» как раз и призвано было подчеркнуть руководящую роль двух атлантических держав в этом объединении. Эту мысль Уинстон Черчилль прямо выразил в своей речи. «Вы, наверное, заметили — сказал он, — что в документе, который уже весьма метко окрестили Атлантической хартией, президент Соединенных Штатов и британский представитель совместно обязались от имени своих стран довести до конца дело уничтожения нацистской тирании. Это торжественное и серьезное обязательство. Оно должно быть исполнено хорошо; оно будет исполнено хорошо. И, конечно, для достижения этой цели подготовлено и приведено в действие множество практических мер»²¹.

Не только приведенные, но и другие высказывания Уинстона Черчилля в его речи, произнесенной по британскому радио 24 августа 1941 г., явно указывают на то, что общие принципы, изложенные в Атлантической хартии, мыслились им не в качестве основополагающих норм послевоенного международного правопорядка, но всего лишь как идеи, призванные объединить под своим знаменем все страны, вступавшие в борьбу против германского и японского фашизма. Встреча с президентом США в Атлантике носила символический характер. «В этом ее главное значение, — объяснял своим слушателям премьер-министр Великобритании. — Она символизирует в форме и манере, которые понятны любому жителю любой страны в любой части света, глубокое базовое единство, которое движет и в решающие

²⁰ В рассматриваемой речи У. Черчилль говорил: «Но Европа — это не единственный континент, который подвергается истязаниям и опустошению в результате агрессий. Вот уже пять долгих лет японские милитаристские клики, стремящиеся подражать манере Гитлера и Муссолини и перенимающие все их замашки, как будто это новое европейское откровение (revelation), захватили и ограбили 500 миллионов жителей Китая. Японские войска рыщут по просторам этой громадной страны и несут смерть, разорение и разложение, и называя это “китайским инцидентом”. А нынче японцы тянут свои жадные руки к южным морям Китая, хотят отобрать Индокитай у беззащитных французских вишистов, угрожают войной Сиаму; рвутся к Сингапуру, важному связующему звену между Британией и Австралией, и даже посягают на Филиппинские острова, находящиеся под защитой Соединенных Штатов. Очевидно, это нужно остановить» (ibid. P. 300).

²¹ “You will perhaps have noticed that the President of the United States and the British representative, in what is aptly called the ‘Atlantic Charter’, have jointly pledged their countries to the final destruction of the Nazi tyranny. That is a solemn and grave undertaking. It must be made good; it will be made good. And, of course, many practical arrangements to fulfil that purpose have been and are being organised and set in motion” (ibid. P. 302).

моменты направляет англоговорящие народы во всем мире»²². При этом Черчилль признавал, что ни он, ни президент США не брались за формулирование конечных и официальных целей мирного урегулирования или ведения войны, но считали необходимым всего лишь «даровать всем народам, в особенности угнетаемым и завоеванным, простую и приблизительную, рассчитанную на военное время декларацию целей, к которым предполагают стремиться Британское Содружество и Соединенные Штаты, пролагая таким образом путь для других, чтобы идти вместе с ними по дороге, которая, безусловно, будет трудной, а может быть, и долгой»²³.

Характеристики, которые Уинстон Черчилль давал Атлантической хартии в цитируемой речи, вполне подтверждали оценку отношения представителей британского правительства к этому документу, данную американским писателем Робертом Шервудом, занимавшим в первые годы Второй мировой войны пост директора зарубежной службы Управления военной информацией США. «Они никогда не смотрели на нее как на официальный государственный документ: для них она была немногим более чем реклама. Рузвельт, воспринимавший Атлантическую хартию гораздо серьезнее, был вынужден поддерживать это убеждение англичан, настаивая на том, что хартию никоим образом нельзя рассматривать как “договор”: если бы она была договором, ему пришлось бы представить ее сенату для ратификации, а этим он не хотел рисковать. Поэтому Атлантическая хартия никогда не была начертана на пергаменте, прошнурована, под ней не стояло подписей и печатей. Она была просто отпечатана на ротаторе и передана для опубликования»²⁴.

Идеологическое значение Атлантической хартии Уинстон Черчилль видел и в коренной противоположности выраженных в ней идеалов духу навязывавшегося германскими нацистами мировому сообществу так называемого «нового порядка». «Что это за “новый порядок”, который нацисты так стремятся насадить сначала в Европе, а потом, если получится — ведь их амбиции не знают границ, — и на всех континентах планеты? — вопрошал он и тут же отвечал: — это правление *расы господ* (*Herrenvolk — master race*), которое призвано положить конец демократии, парламентам, основным свободам и

²² Ibid. P. 298.

²³ Дословно У. Черчилль говорил: “We had the idea, when we met there — the President and I — that without attempting to draw up final and formal peace aims, or war aims, it was necessary to give all peoples, especially the oppressed and conquered peoples, a simple, rough-and-ready wartime statement of the goal towards which the British Commonwealth and the United States mean to make their way, and thus make a way for others to march with them upon a road which will certainly be painful, and may be long!” (ibid. P. 300–301).

²⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 1. С. 572–573.

приличиям обыкновенных мужчин и женщин, историческим правам наций; и дать им взамен суровые прусские порядки, всеобщую муштру и строжайшую дисциплину, поддерживаемую в рядах рабочего класса с помощью политической полиции, концентрационных лагерей и расстрельных команд, у которых сейчас так много работы в дюжине стран и которые, оставаясь в тени, всегда готовы исполнить любой приказ руководства. Вот что такое «новый порядок»²⁵. Все указанные проявления нацистского «нового порядка» У. Черчилль считал признаками «безмерной деградации» человечества и соответственно либерально-демократические принципы, провозглашенные Атлантической хартией, рассматривал как идеологическую программу спасения мира от этой печальной участи.

Шестой параграф Атлантической хартии прямо противопоставлял выраженный в ней идеал миропорядка внешней политике фашистского государства. В нем говорилось о предоставлении «всем нациям возможности жить в безопасности в пределах собственных границ» и при этом быть свободными от страха и нужды. Установление такого международного правопорядка недвусмысленно связывалось с «уничтожением нацистской тирании». Уже на основании одного этого заявления вполне можно было сделать вывод о том, что «Атлантическая хартия с ее понятиями мирового либерально-демократического капиталистического порядка, базирующегося на принципах мира и справедливости, составляет контрапункт национал-социалистским концепциям "Großraum (большого пространства)", ради которого "Третий рейх" развязал войну»²⁶.

Франклин Рузвельт также относился к декларации о принципах, принятой им совместно с Уинстоном Черчиллем, прежде всего как к документу идеологического характера, формулирующему цели борьбы против германского и японского нацизма. Представляя его Сенату 21 августа 1941 г., он говорил: «Декларация о принципах представляет в настоящее время цель, к которой стоит стремиться нашему типу цивилизации»²⁷.

Вместе с тем, принимая совместно с премьер-министром Великобритании декларацию о принципах, американский президент стремился решить с ее помощью сугубо практические проблемы, стоявшие перед его страной. Будучи морской державой, США были заинтересованы в свободе мореплавания и в освобождении мировой

²⁵ Never Give in! The Best of Winston Churchill's Speeches. P. 301.

²⁶ Boog H. Anti-Hitler Coalition // Germany and the Second World War / Ed. by the Militärgeschichtliches Forschungsamt. N.Y., 2001. Vol. 6. P. 36.

²⁷ The President Reports to the Congress on His Atlantic Meeting with Prime Minister Churchill. August 21, 1941 // Public Papers of the Presidents of the United States. F.D. Roosevelt, 1941. Vol. 10. Wash., 1941. P. 334.

торговли от разного рода ограничений и прежде всего от диктата Великобритании, Японии и Германии, державших в то время под своим контролем важнейшие морские торговые пути. Именно поэтому в указанный документ было включено в качестве четвертого параграфа заявление о том, что США и Великобритания «будут стремиться с должным уважением к своим существующим обязательствам содействовать обеспечению всем государствам, большим или малым, победителям или побежденным, доступа на равных условиях к торговле и сырьевым материалам мира, необходимых для их экономического процветания».

Любопытно, что в проекте британского премьер-министра предлагался другой вариант четвертого параграфа, в котором объявлялось, что США и Великобритания «будут стремиться осуществить справедливое и равномерное распределение важнейших продуктов не только в пределах своих территориальных границ, но и между всеми странами мира»²⁸.

О том, что именно торговый мотив стал одним из определяющих факторов, приведших к появлению Атлантической хартии, свидетельствуют и мемуары сына президента США. Он приводит в них свою беседу с отцом об основных мотивах предстоящей встречи с Уинстоном Черчиллем. Оказывается, Франклин Рузвельт охотно делился со своим сыном потаенными мыслями по ее поводу. «Мне кажется, — вспоминал Эллиот Рузвельт, — он как бы репетировал свою роль, готовясь к переговорам, которые должны были начаться на следующий день, анализировал различные соображения, приведшие его сюда, и настраивал себя для ответа на требования Черчилля.

— Есть еще одно обстоятельство, — сказал отец. — На карту поставлена судьба Британской империи. Английские и германские банкиры уже давно прибрали к рукам почти всю мировую торговлю — правда, не все отдают себе в этом отчет. Даже поражение Германии в прошлой войне не изменило дела. Так вот, это не слишком выгодно для американской торговли, не правда ли?» — Он приподнял брови и взглянул на меня. — Если в прошлом немцы и англичане стремились не допускать нас к участию в мировой торговле, не давали развиваться нашему торговому судоходству, вытесняли нас с тех или других рынков, то теперь, когда Англия и Германия воюют друг с другом, что мы должны делать? Одно обстоятельство для нас уже совершенно ясно. Мы не можем позволить себе действовать корыстно и выбирать, на чью сторону нам стать, руководствуясь только соображениями наи-

²⁸ “Fourth, they will strive to bring about a fair and equitable distribution of essential produce, not only within their territorial boundaries, but between the nations of the world” (*Churchill W.S.* Op. cit. P. 386).

большей выгоды. Оставим на минуту в стороне, что нацизм нам ненавистен и что наши естественные интересы, наши *сердца* на стороне англичан. Есть и другой подход к вопросу. Мы должны с самого начала ясно сказать англичанам, что мы не намерены быть просто добрым дядюшкой, которого Британская империя может использовать, чтобы выбраться из трудного положения, и потом навсегда забыть»²⁹.

Атлантическая хартия, хотя и создавалась как декларация об общих принципах, не была на самом деле документом, выражавшим одинаковые взгляды ее творцов на устройство международного правопорядка. Стремление США обеспечить себе свободу морской торговли на возможно более широком пространстве неизбежно наталкивалось на такое препятствие, как Британская колониальная империя. Колониальные владения Великобритании, и среди них прежде всего Индия, как раз являлись главным ограничителем для морской торговли Соединенных Штатов. Это заставляло американского президента предпринимать шаги, ведущие к ограничению власти Великобритании над колониями. Уинстон Черчилль предложил в своем проекте декларации о принципах текст третьего параграфа, в котором говорилось о том, что США и Великобритания «уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить. Они заинтересованы только в защите прав на свободу слова и мысли, без которых такой выбор будет лишь фикцией»³⁰. Эти слова только с большой натяжкой можно было бы отнести к народам колоний, сославшись, например, на слова «все народы». Однако окончательный вариант данного параграфа явно подразумевал колониальные народы: в нем декларировалось, что США и Великобритания «уважают право всех народов выбирать форму правления, при которой они хотят жить; и они желают видеть суверенные права и самоуправление восстановленными для всех, кто был насильственно лишен их» (курсив мой. — В. Т.).

После первой беседы с Уинстоном Черчиллем Франклин Рузвельт не скрывал своего огорчения от заявления британского руководителя о том, что он стал премьер-министром Великобритании «не для того, чтобы присутствовать при ликвидации Британской империи». В ответ на это Рузвельт сказал, что «Америка не будет помогать Англии в этой войне только для того, чтобы дать ей возможность по-прежнему беспощадно подавлять колониальные народы»³¹.

²⁹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 40–41.

³⁰ “Third, they respect the right of all peoples to choose the form of government under which they will live. They are only concerned to defend the rights of freedom of speech and thought, without which such choice must be illusory” (Churchill W.S. Op. cit. P. 386).

³¹ Рузвельт Э. Указ. соч. С. 41.

Премьер-министр Великобритании и члены возглавлявшегося им правительства легко приняли этот параграф Атлантической хартии, не догадываясь, какие последствия он будет иметь. Его подлинное значение станет им понятным только по окончании Второй мировой войны, когда народы Индии, Бирмы, Индонезии и других колоний начнут спрашивать, распространяется на них Атлантическая хартия или нет.

Уинстону Черчиллю придется отвечать на этот вопрос и проявлять чудеса изворотливости, чтобы убедить своих противников в том, что судьба Британской империи в принятой им совместно с президентом США в августе 1941 г. декларацией о принципах никак не затрагивается. «На Атлантической конференции, — будет говорить он, — мы в первую очередь имели в виду восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и наций Европы, находящихся теперь под игом нацистов, а также необходимые принципы изменения их территориальных границ. Поэтому эта проблема ничем не связана с прогрессивной эволюцией органов самоуправления в районах и среди народов, являющихся подданными английской короны»³².

24 сентября 1941 г. представители СССР, Бельгии, Чехословакии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Югославии и свободной Франции собрались в Сэнт-Джеймском дворце в Лондоне, чтобы заявить о своей приверженности общим принципам политики, изложенным в декларации, принятой 12 августа того же года президентом США и премьер-министром господином Черчиллем, действовавшим от имени правительства Великобритании³³.

Представлявший Советский Союз посол СССР в Великобритании И.М. Майский огласил на этой конференции декларацию советского правительства о присоединении к Атлантической хартии и о принципах, которым СССР считает себя приверженным.

В декларации заявлялось, что советский народ несет на своих плечах «всю основную тяжесть борьбы против кровавого агрессора, угрожающего социальным и политическим завоеваниям свободлюбивых народов, угрожающего самым основам культуры и цивилизации», что «в этой войне, навязанной гитлеровским фашизмом демократическим странам, решаются судьбы Европы и всего человечества на многие десятилетия».

«Нельзя допустить, — отмечалось далее в декларации советского правительства, — чтобы судьбам мирных и свободлюбивых народов угрожало иго нацизма, чтобы шайка вооруженных до зубов гитлеров-

³² Цит. по: *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. С. 573.

³³ United Nations Documents. 1941–1945. P. 10–11.

ских разбойников, возмнивших и объявивших себя высшей расой, безнаказанно громила города и села, опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей во имя осуществления бредовой идеи господства гитлеровской банды над всем миром»³⁴.

Указав, что главной задачей всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников, является в настоящее время достижение скорейшего и решительного разгрома агрессоров, советское правительство объявляло вместе с тем, что перед странами, ведущими борьбу против фашизма, «стоит также чрезвычайно важная задача определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира в целях избавления наших народов и наших будущих поколений от несовместимого с человеческой культурой преступного, кровавого нацизма»³⁵. Оно сообщало также о том, что Советский Союз исходит в своей политике из принципа, в основе которого лежит признание суверенности и равноправия наций, и поэтому «отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны»³⁶.

Приведенные заявления из декларации Правительства СССР от 24 сентября 1941 г. свидетельствовали, что Советское государство будет играть активную роль в устройстве будущего международного правопорядка. Это, безусловно, нарушало замыслы руководителей ведущих западных государств. Документ, получивший название Атлантической хартии, приобретал вследствие этого значение, которое далеко выходило за рамки замыслов и планов его творцов.

Список литературы

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). М., 1958.

2. *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004.

³⁴ Декларация Правительства СССР на межсоюзной конференции в Лондоне. 24 сентября 1941 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1944. С. 145.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 146.

3. *Рузвельт Э.* Его глазами / Пер. с англ. Л.Д. Гуревича, Д.Э. Куниной. М., 1947.
4. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 1.
5. *Churchill W.S.* The Second World War. Vol. 3: The Grand Alliance. Boston, 1985.
6. Germany and the Second World War / Ed. by the Militargeschichtliches Forschungsamt. N.Y., 2001.
7. Never Give in! The Best of Winston Churchill's Speeches. Selected and edited by his grandson. L., 2004.
8. Public Papers of the Presidents of the United States. F.D. Roosevelt, 1941. Vol. 10. Wash., 1941.
9. United Nations Documents. 1941–1945. L., 1947.